

Я. Мальцева

Пророчества как культурный феномен: древнегреческая и русская традиции в сопоставительном аспекте

Человечество на протяжении всего своего исторического существования сталкивалось с удивительными случаями предвидения будущего. Опираясь на античную традицию, их стали называть профетизмами, среди которых и такие формы провидения будущего, как сновидения и приметы. Этимология лексемы *пророк* в русском языке такова: являясь калькой с древнегреческого языка (др.-греч. *προ-φητης*: *προ* — ‘перед, ранее, до, заранее и т. п.’; *φημί* — ‘говорить, высказывать; считать, думать, полагать’ структурно повторяет рус. *про-рок*: *про* — ‘заранее, наперед’; *реку* — ‘говорю’). Таким образом, слово *пророк* в русском языке, как и в древнегреческом, буквально обозначает того, кто вещает наперед, говорит о событиях еще только ожидаемых или даже не ожидаемых совсем.

Во всех обществах, древних, средневековых и современных, мы встречаемся с людьми, которые занимались предсказанием будущего, — это оракулы, пророки, ясновидцы, маги, волхвы. Для древних предвидение будущего было явлением обычным; вера в способность людей предсказывать будущее при помощи сверхъестественных сил и узнавать волю богов встречается во всех религиях Древнего мира. В частности, у греков неотъемлемую часть жизни составляли гадания и мистические обряды, что привело к возникновению многих учреждений, с помощью которых люди старались узнать волю богов.

Пророки и ясновидящие появлялись во все времена истории человечества с целью изречения данных им откровений о судьбах людей и целых народов. Вместе с тем всегда существовало неумемное желание, стремление человека строить свою деятельность на основе знаний о будущем. Отношения между социумом и пророками на разных этапах исторического развития цивилизации складывались по-разному, формируя тем самым уникальные традиции одного и того же, по сути, явления.

Так, библейская традиция профетизма стоит особняком по отношению к истории оракулов древности. Ветхозаветные пророки обычно не были

предсказателями будущего, хотя и это часто входило в их миссию, но они были прежде всего провозвестниками воли Божьей, по Его откровению возвещали народу предупреждения, предостережения от греха и идолопоклонства и свидетельствовали о могущественных делах Божиих в прошлом. Греческое слово *προφήτης* так же, как и еврейское «нави» обозначает оратора, вестника. Считалось, однако, что исполнение пророчества не должно свершиться точно так, как было сказано, ведь Бог воплощает свой замысел, взаимодействуя с людьми. «Конечно, в целом верно, что истинный Божий пророк не ошибается, потому что через него говорит Господь (Втор. 18:18—22). Но предсказания Божьих пророков далеко не всегда сбывались именно так, как было объявлено. И главная причина этого в том, что Бог через пророков говорил не для того, чтобы просто информировать людей о будущем, а чтобы побудить их формировать свое будущее»¹. Сходную мысль выразили авторы Библейской энциклопедии: «Под словом *пророк* вообще понимаются, во-первых, люди предсказывающие будущее, во-вторых, лица, возвещающие людям послания, увещания и утешения, по особому внушению Св. Духа»². Русская православная традиция пророчества в полной мере содержит в себе описанные черты, о которых более подробно будет сказано ниже.

Основной задачей в рамках данной статьи является сопоставление античной и русской православной традиций пророчества. Каждая из этих традиций уникальна по-своему и представляет собой совокупность черт, на основе которых будет далее проводиться выявление специфики указанного действия. Обращение к данной теме обусловлено ярко выраженным различием культурных оснований, на которых зародилась каждая из традиций пророчества, и особенно выразительно эти различия обнаруживают себя при их рассмотрении в сопоставительном аспекте.

Самыми почитаемыми пророками в древности считались жрецы Древней Греции, а наиболее знаменитым оракулом — дельфийский. Его авторитет возвышался над всеми верховными правителями на том основании, что именно оракул выступал посредником между человеческим и божественным мирами, воплощая авторитет и власть Аполлона. «Никто не оставался в стороне. Цари и правители городов старались получить божественное указание. Военные отряды не двигались с места без совета местных прорицателей и не вели войны, не проведя самого тщательного изучения знаков и предзнаменований ... воюющие стороны становились лагерем в виду друг друга и терпеливо ждали, пока не будет знамения, направленного против одного из них»³. О силе и власти слова Аполлона, изреченного Пифией, молва разносилась по всем землям Эллады и другим близлежащим государствам. Историки древнего мира, в частности Геродот, Павсаний, Фукидид, на века сохраняли хронологии предсказанных событий, античные же авторы активно использовали в своих произведениях сюжет обращения к вещему божеству. У Софокла об этом говорится так:

Дорог немало думой исходил.
Размыслив, я нашел одно лишь средство.
Так поступил я: сына Менекея,
Креонта, брата женина, отправил я к Фебу, у оракула узнать,
Какой мольбой и службой град спасти.

(Софокл. Эдип-царь. 67—73).

Храм Аполлона Дельфийского представлял собой величественное сооружение, исполненное в стиле дорической архитектуры. Возникновение в этом месте прорицалища связано с историей победы Аполлона над драконом Пифоном, что стало знамением победы света над мраком, солнечного божества над водной стихией. «Аполлон убил его своими стрелами, будучи всего четырех дней от роду, и основал свое прорицалище, изгнав из Дельф дочь Земли Фемиду. Так как убитый Аполлоном змей здесь же сгнил под палящими лучами солнца (πυθεςθαί — ‘гнить, загнивать’), то это место получило название Пифо. Таково древнейшее наименование Дельф⁴.

Используемый как для поклонения, так и для прорицаний, храм изобиловал драгоценными предметами, которые приносили в качестве даров посетители. Здесь, среди золота, восседая на треножнике⁵, Пифия, под влиянием божественного вдохновения изрекала послание, которое записывалось жрецами (постоянные служители храма), а затем передавалось вопрошающему. Роль жрецов можно было бы определить как посредничество между Аполлоном и человеком; в условиях данного процесса женщина-пророчица являлась орудием получения ожидаемого откровения. Быть избранной на эту роль могла только молодая дева, неопытная, однако образованная. По этому поводу исследователь оракула Уильям Брод в своей книге «Дельфийский оракул» приводит цитату из сочинений Плутарха, который и сам долгое время был верховным жрецом в храме Аполлона Дельфийского и не понаслышке знал все нюансы процесса:

...дева, которая теперь служит здесь богу, была, как и другие, рождена в законном и благородном браке, и ее жизнь во всех отношениях была правильной, но, будучи воспитана в доме бедного крестьянина, когда спускается в храм, она ничего не несет с собой в качестве результатов обучения или других знаний и способностей. Напротив, точно так же, по мнению Ксенофонта, невесте лучше видеть как можно меньше и слышать как можно меньше до того, как она придет в дом мужа, так и эта девушка, неопытная и невежественная практически во всем, душа чистая, непорочная, становится наперсницей бога⁶.

По наблюдению современных исследователей, «Геродот, описывая исторические события VI века до Рождества Христова, приводил в качестве примеров огромное количество дельфийских ответов, написанных гексаметром, при этом имея в виду, что те, кто их получали, должны были весьма осторожно подходить к процедуре верной интерпретации этих стихов»⁷. В действительности стихотворная форма оракулов была не

единственной их особенностью: часто текст представлял собой загадку в виде аллегорически описываемых событий. При рассмотрении оракулов с этой точки зрения обнаруживается, что их тексты в основе своей опираются на универсальные языковые механизмы, которые имеют глубинный характер и находятся в поле зрения когнитивной лингвистики. «Это обусловлено тем, что законы человеческой ментальности, проявляющиеся в языке, обнаруживают себя также и в других сферах деятельности. Они едины для сознания человека как такового»⁸. Так, например, всем известный оракул, данный мидийскому царю Крезу в Дельфах, гласил:

Коль над мидянами мул царем когда-либо станет,
Ты, нежноногий лидиец, к обильному галькою Герму
Тут-то бежать торопись, не стыдясь малодушным казаться.

(Геродот. История I, 55).

Крезу предстояло отгадать, что мулом был назван его враг Кир, персидский царь, так как происходил от двух разных народов — от матери, более знатной, чем отец. Мать его была мидянкой, дочерью мидийского царя Астиага, а отец — перс, подвластный мидянам, будучи ниже ее во всех отношениях, взял супругой свою госпожу. Основанием метафоризации здесь служит сходство по признаку смешанности крови. Известно, что неверная интерпретация данного пророчества стоила Крезу всего царства и власти.

Во второй книге Истории Геродота приводится описание событий, которые также были предсказаны оракулом. Внешняя форма пророчества вновь обнаруживает в себе материал, методы изучения которого содержатся в работах когнитивной лингвистики.

Двенадцать царей Египта заключили договор о ненападении друг на друга — они собирались сообща править государством. Причина этого договора была в том, что по достижении власти им был тотчас же дан оракул: кто из них совершит возлияние из медной чаши в святилище Гефеста, тот станет царем над всем Египтом. Однажды случилось так, что во время жертвоприношений верховный жрец по ошибке подал им для возлияний одиннадцать золотых чаш вместо двенадцати. Тогда последний царь Псамметих — у него не оказалось чаши — безо всякого умысла снял с головы медный шлем и протянул его для возлияния. Тотчас же каждый вспомнил об оракуле: Псамметих был изгнан завистниками. Но в скором времени он все-таки стал царем.

Интерпретация данного примера с точки зрения работающих в нем языковых механизмов, позволяет определить, что метафорически в оракуле была представлена чаша для возлияния. Основанием метафоризации стало сходство по форме чаши и шлема: оба объекта представляют собой вместилище, округлый сосуд. Таким образом, медный шлем (др.-греч. — *κυνήη χάλκεος*) был назван медной чашей, поскольку он должен был использоваться вместо золотого сосуда, по обыкновению являющегося частью традиционных возлияний.

Интересно, что Геродотом был записан еще один оракул, касающийся судьбы правителя Египта — Псамметиха. Изреченное Пифией послание вновь демонстрирует описанное выше свойство речи оракулов — аллегоричность.

Итак, по словам историка, Псамметих был окружен завистниками, и в предчувствии скорого нападения он обратился к оракулу за советом и получил такой ответ (Геродот. История):

Отмщение придет с моря, когда на помощь явятся медные люди.
(II, 152).

Оракул имел в виду карийцев, пришедших на помощь в предстоящей войне египетскому царю Псамметиху. На них были медные доспехи, поэтому оракул назвал их медными. Здесь основанием метонимического переноса стала смежность вещей в пространстве.

Существует масса примеров изреченных оракулов, где в качестве основы для создания аллегорического образа были использованы описанные выше и другие сходные с ними приемы.

Все это позволяет говорить о том, что в ряду характерных черт оракулов особо выделяются функционирующие в них когнитивные механизмы, определяющие их язык и стиль. Примеры дошедших до нас пророчеств позволяют делать выводы о том, что к числу подобных языковых механизмов относятся метафоры, метонимии, прагматические сдвиги, параномазии и референтные двойственности. Все это и составляло основу символической репрезентации содержаний в текстах подобного рода и определяло стратегии интерпретации их адресатом пророчества.

Уникальными по своей сути являлись не только вербальные репрезентации воли Аполлона, но весь процесс пророчества и подготовка к нему. Результатом ежемесячного ожидания становилось масштабное действие в седьмой день каждого месяца, важнейшей составляющей которого были ответы Пифии. «Пифия — личность исключительная в античных источниках... она не давала осознанных прорицаний. Аполлон, овладевая Пифией, на время как бы вытеснял ее сознание и сам вещал "сквозь нее словно сквозь маску" (Plut. Mor. 404 В). Поэтому она и пророчествовала чаще всего от первого лица: "наш храм", "мой отец" (Зевс) и т. д.»⁹.

Всякий, кто приходил в храм Аполлона за советом, должен был принести богатые жертвы и дожждаться некоего знамения о том, что эти жертвы угодны богам, и только после этого он мог войти в святилище, чтобы задать свой вопрос. «В жертву приносили коз, которых предварительно подвергали испытанию, чтобы решить, будут ли они угодны Аполлону (между прочим, обливали животное водою, и если оно при этом содрогалось, то жертву считали угодной). Если результат гаданий оказывался неблагоприятным, предсказания отлагались до следующего дня»¹⁰. В зависимости от социальной роли вопрошающего ответ мог содержать информацию о судьбе частного лица, о его семье или о необходимости вы-

полнения тех или иных действий, однако существует масса примеров, где описываемые оракулом события касались судеб целого народа или государства. Последнее, как правило, происходило в случаях, когда к Пифии обращался крупный государственный деятель или потомок правившего рода. Историки считают, что пророчества оракулов зачастую оказывали влияние на политику тирании и предсказывали скорое неблагоприятное ее окончание. Оракулы предостерегали многих людей от несчастий и одобряли дела, приносящие пользу обществу.

Вообще ценностные и моральные установки были своего рода ориентирами и вели человека по жизни, как маяки. Античный социальный мир стремился максимально приблизиться к своему идеалу — космосу, образцу мироздания, который является для него неким абсолютom, всеобщим порядком. Космос противостоял Хаосу, охватывая весь мир: в нем царила упорядоченность, совершенство и красота, которая неотделима от гармонии, и ей придавался универсальный характер. Для древнего грека гармония являлась основой красоты, внутренней природой вещей. Таким образом, в античной Греции особым принципом человеческого существования становилось гармоничное сочетание физической красоты и нравственного совершенства, которое в результате получило свое собственное именование в древнегреческом языке: калокагатия (ἡ καλοκαγαθία: ὁ καλός ‘красивый, прекрасный’, ὁ ἄγαθος ‘хороший, добрый, благородный’).

Помимо следования прочим жизненным принципам, среди которых выделялись рациональность, агонистичность, гуманизм, антропоцентризм и др., древний грек был уверен в том, что прежде всего стоит *соразмерность*. Действительно, чувство меры в устройстве античного полиса являлось едва ли не главным руководством к действию: мера становится основным принципом греческой культуры (политической, этической, эстетической). Мера — это принцип поведения, родившийся из закона развития Космоса. Все, лишённое меры, представлялось безобразным. Ученые мужи древности не раз формулировали это главнейшее правило. Плутарх, например, говорил так:

Ведь и для славного дела есть соответствующий возраст и подходящее дело, да и вообще славное отличается от позорного более всего надлежащей мерой.

А вот мнение Демокрита:

Если перейдешь меру, то самое приятное станет самым неприятным.

Гиппократ сформулировал это на свой лад:

Ни насыщение, ни голод и ничто другое не хорошо, если переступить меру природы.

Или, например, мнение Пелагия звучит так:

Нарушение меры даже в добрых делах порочно.

Итак, мы видим, насколько принципиальным является стремление грека строить свою деятельность, ощущая меру: даже добрые дела должны регулироваться, а иначе не избежать дурных последствий.

Не стала исключением из этого правила и жизнь самого популярного прорицалища — дельфийского. «Ничего сверх меры» («Соблюдай меру») — гласила надпись на фронтоне храма Аполлона, тем самым определяя стратегию поведения в стенах святилища. Каждый проходящий должен был понимать, что, становясь частью отношений «человек-божество», он должен быть как никогда размеренным в своих мыслях и действиях, ибо находится в самом центре средоточия мудрости.

* * *

Специфика профетизмов в разных культурах обусловлена многими факторами, и в первую очередь это культурные особенности общества, сложившиеся исторически и во многом определяемые теми морально-духовными традициями, которые бытуют среди людей. Профетическая традиция на Руси последнего тысячелетия сформировалась на почве христианского восприятия окружающей действительности, устройства мира и места в нем человека. Немаловажным является и то, как русский человек воспринимал Бога и как относился к Нему, какое место в жизни отводил общению с Ним и что хотел бы отдавать Ему, а что получать от Него.

«Верую в Бога единого и всемогущего», — говорили христиане еще времен Нерона и тем самым открывали миру дорогу к заповедям и закрывали двери язычества и многобожия. Ветхий и Новый Заветы — это начало новой истории, и в первую очередь европейской части мира. Грех, покаяние, праведность, смирение, спасение — те смыслы, которыми наполнились души человечества с приходом в мир христианства. Не стала исключением и Русская земля, со временем принявшая и освоившая все таинства и каноны этой религии. Русь с тех пор стала называться православной, а ветвь христианства, которую и по сей день исповедует большая часть славян, — православием.

Что же касается традиции пророчества, то и здесь произошли серьезные изменения. Одна из основных причин этого кроется в том, какую роль сыграло признание за человечеством греховных деяний: мир разделился на «черное» и «белое». Отныне знания о будущем стали считаться запретными для любого желающего. Лишь избранным открывались тайные, неведомые знания, в православной традиции получившие название «откровение». Откровение могло даваться кому-то из смертных по воле Господней. Любые самостоятельные контакты с потусторонними силами (вроде гаданий) считались грехом, связью с дьяволом, который, являясь воплощением зла на земле, был тем «черным миром», что в народе также именовался безбожным. И все же такая возможность всегда существовала: обратиться к темным силам за помощью в добыче тайных знаний могли все, однако навлекая при этом на себя грехи, за которые придется расплачиваться.

Таким образом, с приходом христианства пророчества стали восприниматься как одна из граней Божественного Промысла на земле. Богоизбранный человек — особенное явление, открывающее целый ряд вопросов, касающихся участия Всевышнего в судьбах народов.

В русской православной традиции существовали две разновидности предсказания будущих событий, сформировавшиеся на почве уникального восприятия категории святости и вообще причастности к миру особой, высшей духовности: старцы и юродивые — те люди, устами которых на Руси говорил Бог.

В частности, существовали откровения, посланные старцам в моменты моления и высшего духовного просветления. Таковыми были предсказания Серафима Саровского, Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова и других о революции 1917 года. Ср.:

До рождения антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе...

(Преподобный Серафим Саровский. 1825—1832)¹¹.

Насколько точны были слова, произнесенные старцем задолго до известных всем событий, каждый теперь может решить для себя сам.

Безусловно, одной из ярчайших фигур пророчества на Руси был преподобный Серафим Саровский. «Перед прозорливым оком дивного Саровского старца и будущее, слишком темное и совершенно неизвестное для обыкновенных смертных, преподносилось как бы уже совершающееся, было для него ясно и не как предположение, но как факт. Преподобный ясно созерцал судьбы отдельных лиц, важнейшие перемены в их жизни иногда до мельчайших подробностей, провидел продолжительность жизни многих, прозревал судьбы нашего отечества, грядущие на него бедствия и другие наиболее важные события»¹².

Поистине вызывают удивление дошедшие до нас свидетельства предвидения им будущего. Большой своей частью предсказания касались событий из жизни простых людей, приходивших к преподобному за благословением, за советом. Иной раз пришедший мог и вовсе не задавать вопрос о будущем, но прозорливый старец, уже «завидев» нечто важное, спешил, иногда в загадочной форме, сообщить гостю о том, что его ожидает. Такова, например, история некой гражданки Т., которая лишь в зрелом возрасте в полной мере оценила слова, сказанные ей отцом Серафимом много лет назад. Дело в том, что еще совсем маленькой девочкой Т. вместе с матерью отправилась в пустынь к преподобному просить бла-

гословения. По дороге им встретился нищий, и девочка, тронутая его жалким положением, подала серебряную монету в пятьдесят копеек. Когда же они пришли к отцу Серафиму (прежде они никогда не встречались), он подозвал к себе девочку и, благословив ее, ласково сказал: «Вот это хорошо, что полтинничек-то подала бедному, *Ваше превосходительство*». Мать, удивленная таким приветствием, пыталась разъяснить старцу, что этот титул им вовсе не принадлежит. Однако на протяжении всего последующего разговора он продолжал обращаться к ребенку таким образом. Так они и вернулись домой, не узнав причины весьма необычного для них приветствия. Но впоследствии, когда Т. вышла замуж за генерала, для них стало ясно, что именно предвидел и предсказал дивный Саровский старец.

От прозорливости старца не были скрыты будущие события, касающиеся вообще русского народа и российского государства, ведь не только отдельным лицам он пророчествовал. Выше уже был приведен пример предсказания событий в России, с которыми теперь мы связываем переломный для нашей истории этап. «Заметно, что дивный Саровский старец большей частью предвещал события скорбные, грядущие беды и несчастья, и в этом случае, конечно, выразилась его высокая любовь к русскому народу. Отец Серафим, видимо, желал, чтобы разные бедствия не застигли его соотечественников, так сказать, врасплох; чтобы русские люди приготовились к встрече с несчастьем, а главное, чтобы они обратились к Господу с усердной молитвой и искренним раскаянием в своих грехах для отвращения праведного гнева Божия и всегда были готовы к достойному переходу из временной жизни в вечную»¹³.

Такая черта пророчеств на Руси, как забота о ближнем, о народе, вероятно, уходит своими корнями в христианскую традицию, ведь любовь к человеку — один из центральных законов христианского мира, тот общий принцип, из которого следуют запрещения убийства, воровства и лжи.

Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего».

А Я говорю вам: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...»

(Мф. 43—45).

Так наставлял Иисус учеников своих. Так говорил о милосердии, о любви и к ближнему, и к врагу.

Впитавшая в себя законы и заповеди христианства пророческая традиция на православной русской земле в основе своей была исполнена любви к людям, к стране, что качественно отличает его от античных оракулов, произносимых Пифиями и жрецами, служителями храма Аполлона. Так сложилось в православном мире, что роль эта была отведена людям, самостоятельно или по знамению свыше принявшим своей дорогой

высокодуховный путь, сердцем и душой отказавшимся от мирской жизни с ее благами и посвятившим всю свою жизнь служению Богу. Избранный для исполнения миссии пророка, этот человек беспрекословно принимал волю Божью, и провидение становилось делом его жизни. Как и Серафим Саровский, другие провидцы на Руси на протяжении всех лет земного пути, часто вплоть до последнего дня, а иногда и часа, принимали людей, шедших к ним со всей страны за советом. Ничего не требовал взамен старец ни за благословение, ни за добрые слова, ни за указания будущих событий, поскольку чужды добродетели материальные ценности. Более того, как свидетельствуют агиографы, пророчества старцев часто сопровождались поучениями и наставлениями, советами, что свидетельствует о сердечном отношении их к судьбе человека. Ведь не каждый получивший предсказание о будущем времени может самостоятельно справиться с эмоциями различного характера, которые легко преодолевают в такие минуты. Так, о Саровском старце прихожане говорили еще долгие-долгие годы после общения с ним, вспоминали мудрые его слова, дивились его бесконечной прозорливости: *ведь говорил он, что случится так — так и случилось, а значит, и наставления его на этот счет принять непременно надо, и следовать им до конца; и это единственный правильный путь, поскольку тот, кто может грядущее видеть, тот лучше всего и дороги в нем ведает.* Очевидно, в таких ситуациях пророк выступал еще и в роли помощника, наставника. Есть и другие примеры, подтверждающие мысль о характерной для всей традиции пророчества на Руси черте — бесконечной сердечности и духовной преданности изреченным словам.

Процедура предсказаний в Древней Греции сводилась ко многим формальным действиям — начиная с установленной даты для пророчеств и вплоть до традиции жертвоприношений. Пифия, чьими устами говорил Аполлон, была не более чем орудием, другими словами, «административным» звеном в системе отношений «человек-божество». Эта мысль в более общей формулировке подтверждается также тем, что пророчества в античном мире существовали в рамках институционального образования, то есть все участники упомянутого процесса, жрецы и Пифии, выполняли свою «работу». Напротив, провидцы на Руси были орудием Божьего промысла на земле и жили в Господе, глубоко чувствуя и осознавая свою миссию. Подтверждением этого могут послужить их многочисленные благие деяния, добровольная проповедническая деятельность и глубокие философские труды, наследниками которых являемся сейчас мы все.

Не менее яркой фигурой в пророческой традиции на Руси является монах Авель. История его жизни поистине впечатляет своей контрастностью: с одной стороны, великий прорицатель, с другой — заключенный на протяжении двадцати лет жизни. Пожалуй, лучше всего об этом расскажет сухая выдержка из его биографии:

В 1796 г. предсказал кончину императрицы Екатерины II и был заключен в каземат Петропавловской крепости. Лишь после беседы с императором Павлом I был освобожден и возвратился в монастырь. Вскоре предрек время и подробности кончины императора Павла, был посажен в Шлиссельбургскую крепость, но, поскольку предсказание снова сбылось, выпущен на свободу император Александром I. Спустя несколько лет предсказал Отечественную войну 1812 г. и сожжение Москвы, снова попал в заключение, на этот раз в Соловецкий монастырь, вскоре был освобожден благодаря покровительству кн. А. Н. Голицына. Скитался по монастырям, 23 октября 1823 г. поступил в Высоцкий Серпуховской монастырь, где предрек скорую кончину императора Александра I, восстание 14 декабря 1825 г., восшествие на престол императора Николая I.

Так случилось, что многочисленные осуждения монаха вынудили его прекратить публичные пророчества. Приняв монашеский постриг, Авель решил отныне не возвращаться к отведенной ему миссии вещателя Божия на земле, продолжая лишь на бумаге записывать свои провидения.

Говорил Иисус своим ученикам: «...не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13, 57). История жизни монаха Авеля своим примером ярко демонстрирует нам, что имел в виду Господь, как предупреждал о тяжелой миссии. Безусловно, вызывает недоумение и сожаление то неприятие богоизбранных среди людей, которое на русской земле встречалось много раз. Однако все это также позволяет предположить, что появление среди людей пророков показывает присутствие Бога на земле, силу Его прозорливости и что человеческий страх перед Его всеведением пытается, хотя и тщетно, избавиться от этой силы, выйти из-под ее власти.

Теперь только с высоты времен каждый самостоятельно может решить для себя, насколько ценны и важны для него те уникальные случаи появления прозорливцев и какую честь и хвалу следует воздавать им, избранникам Бога. Ведь не бывает пророка в своем отечестве... До поры до времени.

Здесь следовало бы обратить внимание на различия в традициях пророчества на Руси и в Древней Греции, которые лучшим образом свидетельствуют о том, какое место занимали те и другие в жизни общества и государства. Тогда как старец проводил большую часть своей жизни в молениях в скромной келье, верховные жрецы и Пифии обитали среди золота в роскошных залах мраморного храма; старец разговаривал с людьми практически в любое время, сердечно принимая на себя заботы приходящего, в который бы час ни обратился он, — вся Греция ждала седьмого дня месяца, приносила жертвы и роскошные дары с целью быть допущенной к процедуре пророчества; скромность и скрытность сопутствовали делам прозорливого старца, так что мало кто вообще знал о существовании этих людей и данных им способностях, — о Дельфийском оракуле и его служителях еще современниками сказано немало лестных и

восхваляющих слов: весь древний мир ждал того часа, когда и на них хоть раз обратит внимание Аполлон.

Безусловно, различие во внешних формах является лишь следствием наличия своеобразных воззрений на окружающий мир и религиозных установок, которые в свое время послужили почвой для появления античных оракулов, а позднее — пророков на Руси. Расхождение в традициях настолько велико, что представляется невозможным дать им какую-либо точную оценку. Лишь слова дорогого православному миру священника Александра Меня могут наметить ту линию размышлений, которая приведет к выводу о многих различиях, глубинных по своей сути, между христианской традицией пророчества и античными оракулами.

Пророки отрицали возможность постигнуть Бога разумом или достигнуть Его путем экстатического восхождения. Суший, Ягве, был для них пламенеющей бездной, ослепительным солнцем, сияющим превыше постижения и досягаемости. Они не поднимали глаз на это солнце, но его лучи пронизывали их и озаряли окружающий мир¹⁴.

Говоря о пророчествах на Русской земле, нельзя не вспомнить и о такой яркой фигуре, как о. Иоанн Кронштадтский, который был самым значительным явлением в русской церкви конца XIX — начала XX века. История жизни во Христе этого человека является поистине удивительной и неповторимой, ведь события, составившие ее, переплетаются воедино, как нити сплетаются в канат, сосуществуют и взаимодействуют как единое целое, где основой служит православная вера, ощущение присутствия Святого Духа и причастности к нему.

Когда кандидат Богословия Иоанн Ильич Сергиев впервые вошел в Андреевский собор, то был поражен тем, что внутренний вид собора ему хорошо знаком, так как это был тот храм, который он с необыкновенной ясностью видел в молодые годы во сне. В сновидении этом он, кроме того, видел, будто он вошел в северные и вышел в южные врата алтаря. Тогда он понял, что Сам Бог назначил его священствовать в этом храме¹⁵.

Так начинался путь отца Иоанна, всецело поглощавший его, полный вдохновения и верности духовному служению. Далее были и благотворительность, и ежедневные поездки к больным, и церковное строительство, и, наконец, чудотворения — Господь, по молитвам угодника своего, исцелял больных, восстанавливал безнадежных.

О. Иоанн мало спал, мало ел, не знал отдыха и целиком всего себя отдавал ближнему. Где болезнь и страдания, где слезы и вздохи, где нужда и голод, стон и воздыхания, где горе и печаль — там непременно был отец Иоанн со своею горячею молитвой, со своею кроткою душой, со своею любовью и утешением¹⁶.

Удивительными были не только чудесные случаи исцеления, но и пророчества отца Иоанна. Часто пророчествовал он простым людям и семьям, как это делал и Блаженный Серафим, искренне старясь принять участие в дальнейшей судьбе человека и наставить его на путь истинный. Однако особую обеспокоенность вызывали у о. Иоанна грядущие события в России, назревавшая в ней гуманитарная катастрофа. По свидетельствам современников, его проповеди часто наполнялись мольбами о помиловании, обращенными к Господу, стенаниями о судьбе народа. В то же время он громогласно призывал людей к покаянию за свершенные грехи, признавая, что справедлива кара Господня и что не избежать гнева Господа за предательство веры. Теперь мы знаем, что исполнились пророчества Иоанновы о том, что народ разделится на партии, что восстанут дети на родителей и брат на брата, что прольется много крови и что часть народа будет изгнана из пределов России. Кажется, что все это уже позади. Но что же ожидает нашу страну после длительных страданий? Среди пророчеств о. Иоанна о судьбе русского народа есть и такие:

Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей, на костях вот таких мучеников, помни, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая — по старому образцу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету Святого Князя Владимира — как единая Церковь! Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он Русский (1907 г.)¹⁷.

Существовала и другая традиция пророчества — юродство, сложный феномен культуры Древней Руси. «В житейском представлении юродство непременно связано с душевным или телесным убожеством. Это — заблуждение. Нужно различать юродство природное и юродство добровольное ("Христа ради")»¹⁸. В обоих случаях юродивые воспринимались как имеющие дар предвидения. Однако прежде — несколько слов об этой традиции на Руси.

Юродство занимало промежуточное положение между смеховым миром и миром церковной культуры. Оттого пророчества юродивого часто сопровождалось элементами шутовского поведения, характерного также для скоморошества. Каждый может легко представить себе, как это было, вспомнив режиссерское творение А. Тарковского «Андрей Рублев», где скоморох в исполнении Ролана Быкова блестяще доносит до нас образ того человека, с феноменом которого вряд ли удастся встретиться в настоящее время. Однако сходство шута и юродивого весьма поверхностно. Ведь «шут — часть толпы, а юродивый даже в городской сутолоке совершенно один; шут весь в диалоге, а юродивый принципиально монологичен; шут погружен в праздничное время, а юродивый — вне времени; шутовство сродни искусству, а юродство искусству чуждо»¹⁹.

Так откуда берет свои основания юродство и в чем причина его распространения на Руси? С. А. Иванов пишет по этому поводу так: «Православная церковь держится того мнения, что юродивый добровольно принимает на себя личину безумия, дабы скрыть от мира свое совершенство и таким способом избежать суетной мирской славы. Вторым побудительным мотивом юродства она считает духовное наставление в шуточной и парадоксальной форме. Однако творимые юродивым непотребства могут иметь воспитующее значение лишь при его отказе от инкогнито (иначе чем бы он отличался от непритворных "похабников"?), что противоречит первой и главной цели подвига юродства. А если юродивый не собирается никого воспитывать, то уберечься от славы гораздо легче в пустыни. Юродивый же, как на грех (и в переносном, и в прямом смысле), стремится быть в гуще людей, поклонения которых якобы так опасается»²⁰. Очевидно, что исследователь недоумевает, каким образом возможно сосуществование двух противоречащих установок, формулировки которых он привел и с правильностью которых нельзя не согласиться. Ответ на это вопрос оказывается ближе к поверхности в том случае, когда осмысление данного явления выходит за рамки принятия только внешней формы. Скрыть свою духовную чистоту, продолжая «похабничать» в миру, — вот где кроется разгадка противоречивой двойственности юродства. Конечно, можно скрываться в пустыни, но как же тогда донести до людей идею спасения? Как очистить человечество, погрязшее в грехе, и обратить его взоры к Богу, при этом сохраняя молчание? История свидетельствует о том, что таким путем святость — а юродивые на Руси считались святыми — становилась достоянием всего народа. Святой — человек, несущий людям веру, — открывает истину, находясь в миру. Даже те отцы церкви, которые вели затворнический образ жизни и служения, часто писали письма и книги, содержание которых было продиктовано желанием поделиться знанием, посланным им Богом. У церкви всегда были свои подвижники, и однажды часть из них приняла форму юродства. Вывернуть наружу всю греховность человека и выставить ее на всеобщее обозрение — вот какие «методы» юродивый использовал на пути к цели — нести в массы идеи спасения.

Однако, отступая от линии объяснения феномена юродства, хотелось бы обратиться к одной из составляющих его черт. В смешных, потешных речах юродивых, столь свойственных шутовской грани их поведения, было место не только присказкам, прибауткам и насмешкам. Чуткое ухо всегда слышало в них нотку наставничества, нравоучения и поучения. Обращало на себя внимание и то, что речь «уличного вещателя» была рифмованной и выделялась из косноязычной толпы («Ты не князь, а грязь»). Контраст и конфликт видимой глупости и разума, кажущейся безнравственности и духовности особенно ярко проявились в способности юроди-

вых пророчествовать и облекать свои пророчества в аллегорические формы. И это самое главное свидетельство богоизбранности таких людей: ведь только Божий угодник может предвидеть события, смотреть в сокрытое от глаз и разума человека.

Традицию пророчества в юродстве признавали и простолюдины, и государи, всякий на Руси мог испытать на себе силу воли Господней, явленной через пророка-юродивого. Многие свидетельства такого рода дошли до наших дней, и вот одно из них. Когда в 1818 году родился Александр II, императрица Александра Федоровна приказала спросить славившегося тогда в Москве юродивого Феодора о том, что ожидает новорожденного. Феодор отвечал, что тот будет могуч, славен и силен, будет одним из величайших государей мира, но все-таки умрет в красных сапогах. Спустя много лет, 1 марта 1881 года, экипаж царя Александра был атакован народо-довольцами: одна из бомб раздробила ему ноги. Когда Александр умирал от кровопотери, его ноги были в крови — предсказание юродивого о «красных сапогах» исполнилось.

Здесь было бы очень кстати вернуться к оракулам древности и к сопоставительному анализу, заявленному в данной работе. Ведь переключка внешних языковых форм оракулов и примеров более поздней традиции пророчеств очевидна. «Красные сапоги» — не что иное, как лингвистический механизм, метафора, наличие которой в пророчестве юродивого, с одной стороны, создавало загадочность образа, с другой — заставляло адресата пророчества предпринять все попытки к его разгадке. Действительно, открывая человеку будущее, Бог дает шанс изменить его, однако не каждый в состоянии использовать этот шанс. Образы-аллегии в пророчествах на Руси часто встречались в речах старцев, провидцев и юродивых. Но раскрыть эти образы, как правило, удавалось лишь по исполнению указанного события.

Вспомним, что в приводимых Геродотом и другими античными историками примерах дельфийских оракулов также содержатся метафорические, метонимические и другие образы, функцией которых было сокрытие от адресата той информации, получить которую он стремился. А это означает, по сути, что внутренние законы организации человеческой мысли обнаруживают в себе общее начало, независимое от культурной почвы, на которой возник тот или иной феномен. То, каким образом человек мыслит свое бытие и мир вокруг себя со всеми его связями и отношениями, находит отражение в языке и его системе. В нашем случае внешняя форма пророчеств, а точнее сходства в этих формах вне зависимости от культурных оснований, являются прямым доказательством сказанного выше. Оракулы античного мира и пророки на Руси использовали в своих речах одни и те же познавательные механизмы при всей разнице традиций.

Возможно, разгадка этих совпадений кроется в том, что вообще открытие человеку будущего является очень опасным действием для него самого. Ведь не каждый готов хладнокровно принять информацию о своей судьбе в ситуации, когда, например, ему угрожает опасность. Испытания даются по силам, и редкий человек получал понимаемое буквально пророчество о беде. Не каждый может смело взглянуть в глаза Року, а уж тем более поспорить с ним. Таким образом, завуалированность служит некой «подушкой безопасности» перед ударом судьбы, независимо от того, будет разгадано послание свыше или нет.

---

¹ Мурзин А. Где же обещанное пришествие Его? // Вера и жизнь. 2006. № 6. URL: <http://www.lio.ru/archive/vera/06/06/article04.html>

² Библейская энциклопедия / Свято-Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад, 1990. С. 583.

³ Брод У. Дельфийский оракул. М., 2007. С. 24.

⁴ Селиванова Л. Л. Об источнике дельфийского вдохновения // Вестник древней истории. 2007. № 2. С. 157.

⁵ Металлический котел с тремя ножками, а также любая утварь на трех подставках; в Дельфах использовался как сидение для Пифии.

⁶ Брод У. Указ. соч. С. 49.

⁷ Bowden H. Classical Athens and the Delphic Oracle. Cambridge, 2005. С. 33.

⁸ Берестнев Г. И. Происхождение символа // Слово в тексте и словаре: сб. статей. Калининград, 2004. С. 51; см. также: Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М., 1995. С. 306.

⁹ Селиванова Л. Л. Указ. соч. С. 157.

¹⁰ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Изд. 3-е. СПб., 1897—1899. URL: <http://www.centant.pu.ru/sno/lib/lat/index.htm>

¹¹ URL: <http://prorochestva.narod.ru>

¹² «Радость моя...». Книга о преподобном Серафиме, Саровском чудотворце. Житие, чудеса, духовные наставления. М., 2003. С. 182.

¹³ Там же. С. 203.

¹⁴ Мень А. Вестники царства Божия. М., 2002. С. 12.

¹⁵ Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. URL: <http://theme.orthodoxy.ru/saints/ioann.html>

¹⁶ Там же.

¹⁷ URL: <http://theme.orthodoxy.ru/saints/ioann.html#52>

¹⁸ Юрков С. Е. Православное юродство как антиповедение // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре. СПб., 2003. URL: http://ec-dejavu.ru/j/Jurod_Panchenko.html

¹⁹ Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства / Рос. академия наук. Ин-т славяноведения. М., 2005. С. 16.

²⁰ Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. URL: <http://ec-dejavu.ru/j/Jurod.html>